

Глава 135: Искупление обета (I)

Внутренний двор был ярко освещен шестипанельными фонарями, висящими под потолком. Яркие реалистичные изображения восьми бессмертных, пересекающих моря, медленно вращались на панелях, нежно размывая тень Цао Юцин. Она неосознанно остановилась на мгновение. Это был главный зал сада спокойствия, место, где Цинь Хуайюань проводил больше всего времени, помимо того времени, которое он проводил вне поместья.

И здесь он проводил время с другой женщиной.

Длинные ресницы Цао Юцин вспорхнули, и она пересекла ажурный экран, оказавшись спустя некоторое время в боковой зале.

Цинь Хуайюань и Ни Сунь сидели на левой и правой кроватях рядом с окном. Мебель была украшена стилизованной резьбой скипетров. Цинь Хуайюань неторопливо потягивал чай, в то время как Ни Сунь лениво играла с жареными тыквенными семечками в блюде рядом с ней. Нефритовый браслет, украшавший белоснежное запястье левой руки, слегка постукивал об стол, когда мадам перемешивала семена.

Цинь Инин видела, что ее мать расстроена и успокаивающе похлопала мадам по плечу. Она заняла свое место рядом с матерью и начала открыто любоваться красивой женщиной.

Бледно-зеленое приталенное платье, аккуратно облегалo стройное тело Цао Юцин. Ее черные как смоль локоны были сдвинуты в сторону в стиле, который обычно называют гривой лошади и удерживались на месте единственной золотой шпилькой, с которой свисала нефритовая бабочка. Она пошла легким шагом, а подол ее платья элегантно покачивался. Ее серьги качались в такт шагам и улыбка играла на ее губах. Ее большие глаза смотрели прямо вперед. Она была великолепна, словно пленительные цветы, отраженные поверхностью воды.

Говорили, что ей было тридцать лет, но казалось, что годы были необычайно добры к ней. На ней не было никаких следов течения времени, только утонченная осанка зрелой женщины. Когда великолепная внешность сочетается с безграничной нежностью, Цинь Инин понимала, что очень немногие мужчины смогут отмахнуться от объятий такой красавицы.

Объективно говоря, Цао Юцин выглядел как сестра Цинь Инин. При этом Ни Сунь больше походила на мать Цао Юцин в своем возрасте. Мадам тоже заметила это и крепко ухватила за причудливо вырезанную ручку кровати.

Успокойся. Приди в себя. Нужно уметь сдерживать себя, а не выражать свои чувства в первый же момент, с трудом уговаривала она себя.

"Эта наложница приветствует господина и мадам. Цао Юцин сделала изящный реверанс. - Я слышала, что мадам не очень хорошо себя чувствует. Эта наложница очень скучала по мадам, и теперь, когда я увидела мадам, могу быть спокойна."

Все улыбки оставались на месте. Цинь Хуайюань был здесь, удерживая форт, и манеры Цао Юцин и приветствие были идеальны. Ни Сунь могла только тянуть губы в улыбке, пытаясь, чтобы она не казалась гримасой.

"Наложница Цао очень мудра. Матушка Цзинь, проводи даму на ее место. Кайю, подай чай."

"Большое спасибо, мадам. Цао Юцин снова поклонилась, прежде чем служанка помогла ей

встать.

"Пожалуйста, садитесь, наложница Цао." Матушка Цзинь принесла табурет с маленькими ножками и мягкой толстой голубой подушкой.

Цао Юцин с мягкой улыбкой поблагодарила служанку бабушки. С самого начала наложница была воплощением очарования, поэтому, когда ее глаза сузились в улыбке, они почти заставили матушку Цзинь потерять ход мыслей.

Цинь Инин подсознательно посмотрела на отца и увидела, что Цинь Хуайюань деловито делает маленькие глотки из чайной чашки, с интересом наблюдая за бледно-зелеными чайными листьями. Как будто потрясающей красоты перед ним не существовало вообще.

Девушка не могла не восхищаться устойчивым характером и концентрацией отца, но это еще сильнее удивляло ее. Не то, чтобы у ее отца никогда не было наложниц, и он тоже проводил ночи с ними. Но почему он был так безразличен к захватывающей дух женщине, которая была по праву его?

Цао Юцин и императрица были красавицами, которые могли бы капитулировать города и страны с их внешностью. Конечно, Цинь Инин понимала, что для ее отца на первом месте стоит страна, а не женщина, но она не могла понять, как можно отказываться от мяса, которое само хочет, чтобы его съели. Все знали, что Цинь Хуайюань и Цао Юцин еще не были вместе, и что господин просто обеспечивает наложницу лучшей одеждой, жильем и едой. Она наслаждалась всеми прелестями богатой жизни, но он даже не коснулся ее пальца.

Это только потому, что отец Цао Юцин старший государственный деятель Цао? Пока Цинь Инин была в глубоких раздумьях, Цао Юцин вовлекла мадам в легкий разговор.

"Несколько дней назад я дала обет желания в Небесном женском монастыре и попросила великую богиню Доу Му присмотреть за госпожой и четвертой мисс. Чтобы они поскорее вернулись и все прошло благополучно. Теперь, когда все проблемы позади, я бы хотела отправиться завтра в монастырь, чтобы поблагодарить за исполнение моей просьбы. К тому же сейчас лучшее время, чтобы заказать несколько дней мирных обрядов для нашей семьи. Эта наложница пришла спросить мадам, не хотите ли вы завтра с четвертой мисс присоединиться ко мне?"

Услышав это, Ни Сунь почти охотно согласилась. Она не видела свою мать и невесток почти месяц и не знала, приспособились ли они к жизни в монастыре. Однако она вдруг вспомнила, что была "больна". Если бы она сейчас смогла подняться на гору, это вызвало бы подозрения у ее мужа, что она обманывала старую вдову?

Хотя Цинь Хуайюань простил Цинь Инин, это было потому, что девушка была слишком милой и его собственной плотью и кровью. Она была так похожа на господина в молодости, и он возлагал на нее большие надежды. Эти двое также пережили испытания мирных переговоров вместе, так что не было ничего, за что он не мог бы простить ее.

Но Ни Сунь была другой. Она была его женой, и при этом не смогла родить сына. Прекрасная наложница уже была далеко впереди нее, если говорить об отношении к ней семья и остатки предвзятость к ней Цинь Хуайюаня она могла бы очистить своей добродетелью.

"Наложница Цао очень добра." Ни Сунь слабо подперла лоб. "И хотя я бы очень хотела составить тебе компанию, я все еще плохо себя чувствую. Если желание путешествовать в карете снова спровоцирует мою болезнь, мне придется покинуть поместье, чтобы изолировать

себя. Почему бы дочери Инин не отправиться вместо меня?"

Она с просьбой во взгляде посмотрела на Цинь Инин, а та, в свою очередь, с тоской смотрела на мать. То, что личность ее матери так сильно изменилась за такой короткий промежуток времени, говорило о ее вынужденной зрелости после неоднократных испытаний. Ни Сунь была сорокалетним ребенком, который все еще любил устраивать истерики другим.

Девушка была счастлива, что ее мать изменилась, но также страдала от причины, которая заставила мадам измениться.

"Хорошо." Нежно ответила Цинь Инин. "Не беспокойся, матушка. Я должным образом поклонюсь великой богине Доу Му и буду молиться, чтобы ее защита легла на всю семью."

"Четвертая мисс самая заботливая. Цао Юцин улыбнулась девушке. Это напомнило Цинь Инин, что Цинь Хуэйнин была приемной дочерью Цао Юцин. Она совсем не хотела ссориться с этими людьми. Она боялась, что не сможет сдержать свой гнев и избить приемную девочку вне поместья. Ничего страшного не было в том, чтобы Цинь Хуэйнин вернулась черно-синей, но избивать кого-то было действительно утомительно.

- Тогда завтра я отправлюсь с тетусшкой Цао. Монастырь-это спокойное место безмятежности, поэтому мы должны путешествовать легко и никого не брать с собой." Цинь Инин перешла сразу к делу и сделала свои замечания заявлением, а не вопросом.

Цао Юцин мгновенно поняла, что девушка имела в виду Цинь Хуэйнин. - Четвертая мисс правильно говорит. Я тоже об этом думала. Она быстро кивнула и встала, согнув колено. - Раз уж мы все так быстро решили, эта наложница больше не будет беспокоить господина и мадам. Увидимся завтра утром."

Цинь Инин также вернула половину реверанса. - Тогда все будет так, как говорит тетусшка Цао. Увидимся завтра утром."

"Эта наложница уходит." Цао Юцин медленно поднялась, смотря на Цинь Хуайюаня, прежде чем она вышла за дверь. Он продолжал пить свой чай и даже не посмотрел на нее должным образом. Сердце наложницы защемила, когда она увидела это.

Когда Цинь Инин увидела, что ее родители молчат, она почувствовала, что не должна задерживаться и ушла, чтобы вернуться в почетный учебный зал. Цюлу и другие помогли ей раздеться и помыться. В конце ее ночных приготовлений, девушка растянулась на кровати с мягкой и пушистой онигири. Ее взглд затуманился, а разум отправился в дальние страны. Она уснула.